

ЗАПУСТЕНИЕ
Муирвуда

Клятва Муирвуда
Книга третья

ДЖЕФФ УИЛЕР

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Яр-камни	1
Глава вторая. Королевская угроза	11
Глава третья. Клеймо хэтары	25
Глава четвертая. Эшафот	38
Глава пятая. Кишон	52
Глава шестая. Дочь короля	64
Глава седьмая. Милосердие	80
Глава восьмая. Тайный Совет	93
Глава девятая. Вайрих	111
Глава десятая. Расследование	122
Глава одиннадцатая. Расставание	135
Глава двенадцатая. Коронация	147
Глава тринадцатая. Кинжал Валравена	163
Глава четырнадцатая. Рыцарь Комороса	172
Глава пятнадцатая. Мятеж	182
Глава шестнадцатая. Совет	197
Глава семнадцатая. Восстание	210
Глава восемнадцатая. Ворота Лудгейт	221
Глава девятнадцатая. Раскаяние	232

Глава двадцатая. Послание Довиура	247
Глава двадцать первая. Принц Отландии	258
Глава двадцать вторая. Сад королевы	269
Глава двадцать третья. В плену	282
Глава двадцать четвертая. Поместье леди Шилтон	294
Глава двадцать пятая. Сожжение	306
Глава двадцать шестая. Забвение	319
Глава двадцать седьмая. Вторжение	333
Глава двадцать восьмая. Защитники	346
Глава двадцать девятая. Убежище	357
Глава тридцатая. Угроза	369
Глава тридцать первая. Королева Дагомеи	378
Глава тридцать вторая. Проклятые берега	387
Глава тридцать третья. Дочь Эрешкигаль	396
Глава тридцать четвертая. Мюрэ и ее правда	407
Глава тридцать пятая. Преследователь	416
Глава тридцать шестая. Камень Гнили	427
Глава тридцать седьмая. Клятва Муирвуда	438
Глава тридцать восьмая. Нерушимый обет	452
<i>Эпilog</i>	465
<i>От автора</i>	469
<i>Благодарности</i>	472

*Я был рожден в стране, где небо черно и в полночи царит
день. Где тьма, там и отвага. Где жажда, там и власть.
Где воля, там и право. Хвала Истоку, давшему мне душу,
не приемлющую поражений.*

Корриво Тенир, Верный Дагомеи

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Яр-камни

Корриво Тенир сосредоточился, дабы изгнать из сознания назойливое многолюдье празднества и видеть перед собой лишь потемневший яр-камень. Теплый воздух был пропитан запахами эля и сидра. Громкому стуку оловянных кружек вторил дружный топот башмаков, заставивший Корриво поморщиться. Пьянство было ему отвратительно. Опыянение лишает разума и возбуждает страсти. Впрочем, оно же и позволяет забрать власть над многими. Чего только не творят иные ради глотка бренди — это почти смешно. Напой таких, и они пойдут резать друг друга, знай только подливай. Впрочем, на то и был расчет.

Сузив глаза, Корриво взгляделся в шербающую поверхность каменного лица перед собой. Этот яр-камень был добыт в аббатстве Авиньен — сначала его везли на воловьих упряжках, затем погрузили на корабль, идущий в Несс, и вот он

здесь, спасенный и подлежащий всяческому изучению. Ибо то был не обычный яр-камень.

Яр-камни, сквозь которые истекала в мир сила Истока, были страстью Корриво. Разнообразие их не знало пределов, не было среди них двух одинаковых, и все они возбуждали жгучий интерес. Бывали яр-камни совсем маленькие, помещавшиеся в ладони; бывали и большие, вырезанные в исполинских валунах или замковых камнях арок. И каждый нес на себе лицо, схожее с лицом мужчины, женщины или ребенка; животного или чудовища; ожившего солнца, луны или звезд. Сила же этих камней — о, чего они только не творили! Среди тех, что поменьше, встречались даже такие, которые предохраняли одежду от изнашивания и металлический инструмент — от ржавчины. Он читал древние книги, в которых говорилось, что, направляя силу яр-камня, можно добиться невероятного. Соедини силу огненного камня с силой водяного, и получишь пар. А пар, как начинал понимать Корриво, обладал особой силой. Разум Верного беспрестанно рождал все новые замыслы: как поставить яр-камни на службу войне, механике, полевым работам. Но пользоваться силой яр-каменей могли далеко не все. Власть над ними всецело принадлежала дохту-мондарцам, носителям кистрелей, а также мастонским Семействам, хранившим приверженность Истоку.

Иные яр-камни, будучи перевезены на новое место, теряли всю свою силу. Другие сохраняли ее вне зависимости от расположения. На форштевне каждого корабля в армаде помещался яр-камень, называемый путеводным. С ним судно становилось сильнее, быстрее, прочнее. Некоторые путеводные камни даже способны были метать огонь.

Медленно, почти благоговейно он протянул руку и коснулся камня, указующего путь. Закрыв глаза, призвал силу кистреля, что висел на шее. Его накрыло чувством дурманящего покоя, блаженством, заставившим его содрогнуться. Пусть другие находили утешение в бренди, вине и сидре — эти радости были не для Корриво. Он жаждал магии Истока и чувства, которое она в нем рождала, — наслаждения, от которого плавилась кости. Блаженство не проходило даром: темные метки кистреля опоясывали его шею, достигая уже челюсти, окаймленной ухоженной бородкой. Рука Корриво коснулась грубой поверхности, и яр-камень разом ожил.

Путеводные камни — особая разновидность яр-каменей — представляли собой узлы единой сети. Коснись одного, и ощутишь все прочие — увидишь их каменными глазами, коснешься разумов тех людей, которые соединены с яр-камнями из этой сети. Обладатель сильной воли мог даже взять власть над таким человеком и принудить его к повинению. А Корриво по праву гордился своей волей. Он единственный из всех Верных сумел подчинить себе хэтару.

Когда его рука коснулась путеводного камня, взору открылось зрелище перед глазами другого яр-камня на противоположном краю мира. Глядя из глаз путеводного камня корабля, он увидел могучую армаду, наполнявшую собой хрустально-голубые воды залива в окаймлении вечнозеленых деревьев. Он увидел, как встают новые палубы и порты, выйдя из которых армада обрушится на добычу, соберет яр-камни Ассиники и привезет в Несс.

Корриво.

Зов коснулся его сознания в тот самый миг, когда он вошел в разум находившегося на корабле дохту-мондарца.

Звали его Пралт, и был он давним членом ордена, много лет назад изгнанным из Комороса после того, как король той земли совершил неслыханное — запретил у себя весь орден.

Приветствую тебя, Пралт. Какие новости?

Он не просто слышал мысли собеседника, но и разделял с ним его чувства. Большинство из носивших кистрели не слишком хорошо владели силой Истока, и потому их уделом оставалась лишь простейшая магия, однако в жилах Корриво текла кровь одного из Семейств, и потому силой он превосходил многих. Он ощутил чужое разочарование и страх. Пралт боялся этого разговора.

Мастоны бежали.

Что? Как?

В гортани прокатилась кислая волна. В груди Корриво поднималась ярость. Но он не позволил себе ее выплеснуть. Срываться на нижестоящих — плохой способ завоевать их верность.

Королевство брошено. Нам никто не противостоит. Альдермастон выслал навстречу нам посольство с просьбой о мире, и...

Объяснись! — твердо подумал Корриво. Как может бежать целое королевство? Куда? Неужели они не оставили следов?

О нет, Корриво, следы остались. Ты ведь знаешь, что у их городов нет ни стен, ни защитных укреплений. Наши охотники отправились в лес, но ничего там не нашли. Следы остались только в городе. И они ведут к аббатству.

Корриво попытался сдержать нетерпение. Теперь от Пралта исходили другие чувства — страх в смеси с гневом. Они отправили в Ассинику легионы солдат, нашептали

им о грабежах, насилии и невиданных богатствах, которые ждали их в конце пути. Мечты о славных победах оказалось достаточно, чтобы солдаты рискнули пренебречь расположением Истока и вознамерились убить тысячи мастонов. А битва не состоялась. И теперь, вполне вероятно, армада обратит свой гнев против дохту-мондарцев, которые приплыли с ними надзирать за происходящим.

Послушай, Пралт. Нам известно, что под многими аббатствами устроены системы туннелей и тайных ходов, через которые можно бежать. Этим путем мастоны и ушли.

От Пралта явственно потянуло презрением, и гнев Корриво лишь усилился.

Мы знаем, Корриво. Я ведь не какой-нибудь простец. Но там, где прошел скот, всегда останется навоз. Где прошли люди, всегда останется след. И след этот ведет в сердце аббатства, а вовсе не в подземелья, где наставляют учеников и откуда, по всей вероятности, берут свое начало подземные ходы. Следы ведут к деревянной панели, алтарной перегородке. До этой перегородки следы ног видны совершенно ясно. За перегородкой они исчезают.

Корриво слушал молча, не веря своим ушам. Он буквально воочию видел мысли собеседника, он ясно сознавал, что Пралт сам, лично вел искателей.

Значит, они ушли, холодно подумал Корриво.

Так а я о чем твержу? Расскажи обо всем Руке. Что он прикажет делать? Как только я получу приказ, и я сровню аббатство с землей, а город сожгу. Моряки разбрелись, занимают опустевшие дома. Прежние жители... Корриво, они оставили нам угощение. В каждом доме накрыт стол, словно гостей ждали. Вещи все на месте. Все до единой. Одежда,

плащи, вазы, ткацкие станки. Они все нам оставили. Становится трудно поддерживать порядок. Все только и рвутся на берег, грабить. Они оставили все, все! Но зачем?

В гневе Корриво заскрежетал зубами. Мира захотели? Он видел, к чему все идет. Мы невинные овечки, совсем безвредные. Мы отдаем вам наш город. Отдаем свое добро. Пощадите наши жизни, нашу культуру. Не убивайте нас.

Сокровенная Завеса открылась, подумал Корриво.

Что за завеса? — тут же спросил Пралт.

Надо было лучше учить мастонские обряды. Легенды у них древнее самого времени. Сокровенная Завеса соединяет аббатства воедино так же, как путеводные камни связывают нас. Если бы Сокровенная Завеса открылась в любом королевстве помимо Комороса, мы первые узнали бы об этом. А значит, они ушли в Муирвуд. Все вышло, как боялся Рука, — мастоны вернулись.

Что же он прикажет нам делать? — спросил Пралт.

Сохранять бдительность. Они могли оставить соглядатаев, чтобы проследить за тем, как мы воспримем случившееся. Караульте у аббатства день и ночь, но так, чтобы никто об этом не знал. При всем своем миролюбии мастоны хитры как лисы. Возможно, кто-нибудь из них попытается вернуться и снова выйдет из аббатства. Смотри в оба.

Буду смотреть. Прощай, Корриво.

Прощай, Пралт.

Корриво отнял руку от путеводного камня, и от нахлынувшего вновь шума праздника накатила тошнота. В бархатной куртке было жарко, и он ненадолго прервался и стал молча повторять про себя погребальную песнь Дохту-Мондар, собирая мысли воедино.

Обретя равновесие, он торопливо вышел из комнаты, в которой хранился путеводный камень, и зашагал дальше по коридору. С каждым шагом шум пирушки становился все громче. Он обошел по дуге дверь в большой зал, где сотни яр-камней бросали отблеск на балки сводчатого потолка, источая свет и тепло для собравшихся. Сначала солдаты выпьют вдоволь вина, которое привезли специально для них, а потом настанет черед рабынь, танцы которых еще сильнее воспламят гуляк. Каждый день из далеких портов прибывали новые корабли, несущие с собой новую великолепную добычу — золото, яства, ткани и статуи. Корриво это было отвратительно, однако он понимал, что иначе нельзя. Чтобы человек пошел на гнуснейшие убийства, нужно дать ему возможность утопить все чувства в вине, а также — искренне поверить в то, что содеянное укрепит его положение в будущем. Ну а оставшуюся тень раскаяния можно изгнать с помощью кистрелей.

На какое-то мгновение ему самому вдруг захотелось присоединиться к гулянке. Но нет, нельзя — Верные стояли неизмеримо выше простых людей. Они повелевали судьбами. Они ткали сети. Терпеливые пауки, они поджидали свои жертвы. Он чувствовал, как дрожат натянутые нити. Пришла пора действовать, наносить удар, упиваться кровью врага.

Достигнув конца коридора, Корриво открыл еще одну дверь, на сей раз ведущую в подземелья. Яр-камни один за другим загорались, приветствуя Верного. Постукивая подкованными сапогами по грубым каменным ступеням, он торопливо спустился вниз. У основания лестницы путь ему преградил дверной яр-камень. Эти камни тоже были привезены из аббатств и открывались тому, кто знал пароль.

Непобедимый.

Откликнувшись на его мысль, дверь распахнулась со скрежетом, заставившим его содрогнуться. Проход за дверью был тускло освещен светом факелов, в воздухе висел запах мускатного ореха. Корриво пошел по узкому коридору с арками вдоль него. В арках по обе стороны от прохода располагались комнаты. Полки и столы в этих комнатах ломились под тяжестью сияющих мастонских книг. Место это, погребенное глубоко под землей, было священо для Верного. Внутреннее святилище, только здесь дозволялось читать древние тома. Яр-камни не дремали: всякий, кто попытался бы вынести хоть один орихалковый том, немедленно сгорел бы в их пламени.

Ибо древние эти тома несли в себе бесчисленные тайны, и одним из величайших удовольствий для Корриво было приходить сюда и впитывать знание, которое хранили их страницы. Еще одна комната — та самая, куда шел Корриво, — располагалась в самом конце коридора. Открылась тяжелая деревянная дверь.

— Корриво, — произнес хриплый скрипучий голос, едва он шагнул за порог.

Обладателя голоса нигде видно не было.

— Где ты? — спросил Корриво.

— Там, где ты меня не увидишь, — был ответ. — Положи кинжал на возвышение.

Это было что-то новенькое. Кинжал Верного — единственная его защита от убийц. Приказать снять его было равносильно требованию абсолютного доверия и верности. Кинжал был символом. Верные не всегда знали друг друга в лицо. Всех знал только Рука. Кинжал же был символом

принадлежности к избранным, опознавательным знаком, по которому можно было беспрепятственно пройти мимо любого дохту-мондарца и выполнить задание, куда бы тебя ни забросило.

Не колеблясь ни мгновения, Корриво вошел и положил кинжал на каменную плиту у подножия светящегося яр-камня, стоявшего при входе в комнату. Стоя у плиты, он уловил движение в тени слева. И даже глазом не моргнул.

— Один из вас предал меня, — рыкнул голос из тьмы.

Корриво ощутил прилив внезапного удивления. Он не смел произнести ни слова, но волоски у него на затылке встали дыбом от страха. Неужели это он?

Зазвучали тяжелые шаги, сопровождавшиеся таким звуком, будто нечто тяжелое волочили по полу. Корриво знал, что Рука хром. И грузен, отчего и движется так тяжело. На рукояти лежавшего у подножия яр-камня кинжала сомкнулся шишковатый мясистый кулак.

Корриво хотелось закричать, что он невиновен, но он понимал, как это глупо. Если Рука убежден, что предатель — он, смерть неминуема, как бы чист ни был Корриво. Поэтому он спокойно стоял, сжав страх в кулак, силой воли удерживая норовившие скатиться по щеке капли пота.

— Что в Ассинике? — прохрипел его собеседник, и кинжал исчез из освещенного пятна. Рука хрипло закашлялся.

— Мастоны бежали, — напряженно ответил Корриво, не сводя глаз с луча света. Ему хотелось вырваться, бежать, но он знал, что это будет означать мгновенную смерть.

— Да, — сказал Рука своим утробным голосом. — Я так и думал. После того, как ты упустил Великую Провидицу.

— Я... — начал Корриво, но тут же осекся. Моргнул, пытаясь собраться с мыслями.

Его попытка протеста вызвала лишь свистящий смешок.

— Лишь три человека знают достаточно, чтобы предать нас, — прошептал Рука. — Ты. Валравен. И Гастон. Все трое необычайно умны и верны делу. Все трое терпеливо ждут моей смерти. Знаю, знаю. Но если мы хотим добиться успеха, предатель должен встретить свою смерть, и скоро.

Рука обошел его со спины, и Корриво буквально чувствовал шеей его горячее дыхание. Еще один тяжелый волочащийся шаг, и наступила тишина.

— Я выбрал тебя, Корриво. Ты молод. Ты честолюбив. Ты нетерпелив, — за этими словами последовал низкий смешок. — Ты знаешь, что будет дальше.

За спиной крякнуло и захрипело.

Корриво развернулся, и в ужасе увидел, что Рука тянет окровавленный кинжал из собственного живота. Грузная туша содрогнулась и упала на одно колено, мясистый кулак сгреб край куртки Корриво. Кинжал упал на каменный пол и со звоном отлетел прочь. Корриво в ужасе смотрел на Руку. Кровь начинала пятнать пол.

— Ты поведешь нас, — прошипел Рука голосом, полным боли. — От темных вод... я буду помогать тебе советом. Твоих соперников... нужно уничтожить. Не верь им. Один из них... предатель.

Его мясистое лицо и щеки содрогнулись. В глазах пылала решимость.

— Верни хэтару, — выговорил он. — Уничтожь мир. Иначе мастоны победят. — И с этими словами он рухнул на пол.